

Об одном стихотворении Георгия Оболдуева

© И.А. КАРГАШИН,

доктор филологических наук

Статья посвящена стихотворению «Мы победили» замечательного русского поэта XX века Георгия Николаевича Оболдуева, творчество которого только теперь становится известным современному читателю. Стихотворение анализируется в контексте военной лирики советской эпохи, а с другой стороны, представлено как яркий пример поэтики и идиостиля Г.Н. Оболдуева в целом.

Ключевые слова: Георгий Оболдуев, лирика войны, мотив возвращения, ролевая поэзия.

DOI: 10.31857/S013161170001614-4

The article dwells on the poem «We Have Defeated» by a remarkable Russian poet of the XX century George Nikolayevich Obolduyev, whose work is only now becoming known. The poem is analyzed in the context of the Soviet war poetry and is also presented as a vivid example of Obolduyev's poetics and writing style.

Keywords: Georgy Obolduyev, war poetry, motif of return, personapoem.

Вот они мы, вернулись, чать,
А не сыграли в ящик!
Теперь, уж, чур, не жульничать:
Слав ставьте настоящих.
Настроены умы
На радости и почести,
Мы победили, мы...
Подайте, сколько можете! [1. С. 125]

так начинается стихотворение «Мы победили» Георгия Николаевича Оболдуева (1898–1954), поэта редкого дарования, но, к сожалению, не известного широкому читателю до сих пор. Стихотворение написано в 1947 году, в пору так называемой «голицынской осени» поэта, по словам критиков, а в России напечатано только в 1991, в первом сборнике, изданном на родине [2].

Мотив «непарадного возвращения» был достаточно распространен в послевоенной (да и собственно военной) поэзии. См., например, стихотворения «Баллада о расстрелянном сердце» (1944) и «Я с войны

не привез ни шиша...» Н. Панченко, позже стихи «Прощай, оружие!» А. Межирова, «Когда мы вернулись с войны...» Б. Слуцкого, «Он пришел с войны...» А. Морева. Нет нужды доказывать, что подобные стихотворения были «не ко двору» официальной советской поэзии. Достаточно вспомнить «Враги сожгли родную хату...» М. Исаковского и непростой путь песни на эти стихи к слушателю [3]. Особого внимания в этом ряду заслуживает стихотворение Анны Барковой «Чем торгуешь ты, дура набитая...» (1953) — здесь обнаруживается не только мотивное сходство, но буквальное совпадение и самой ситуации возвращения, и текстовые переключки. Сравним отрывок:

Закоптелые и шершавые,
Шли мы Прагой, Берлином, Варшавою.
Проходили мы, победители.
Перед нами дрожали жители.

Воротились домой безглазые,
Воротились домой безрукие,
И с чужой, незнакомой заразою,
И с чужой, непонятною мукою.

И в пыли на базаре сели
И победные песни запели:
— Подавайте нам, инвалидам!
Мы сидим с искалеченным видом,
Пожалейте нас, победителей,
Поминаючи ваших родителей [4].

Заметим, кстати, что сходна и судьба этих разных поэтов, творчество которых известным становится только теперь. Однако, если говорить о стихотворении «Мы победили», оно резко отличается от стихотворения Барковой, отражая в целом особенности и мировосприятия, и идиостиля Оболдуева.

Прежде всего отметим, что стихотворение Оболдуева вовсе не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере, по отношению к нему неверно было бы говорить об односторонне-сатирическом пафосе, свойственном тексту Барковой. Точнее сказать о том, что этот «ролевой» текст характеризуется сопряжением («устойчивым неравновесием», по формуле поэта) серьезного и патетического с разухабистой «скоморошьей» скороговоркой. Например, обратим внимание на авторский «высокий слог» в строфе:

Без слез, без крестных знамений,
Храня любовь к отчизне,
За честь родного знамени
Шли, не жалея жизни. [С. 125]

Смотрите также: «Не ждали мы заранее / Ни славы, ни медали, / Когда за другом раненым / Под вихорь выползали...»

Совершенно иная интонация, как мы убедились, в самом начале: «Вот они мы, вернулись, чать...» Еще более ощутимо «низовое» — «геройное» сознание в следующей строфе:

Готовы наши ноженьки
Задать, скакнув в постельку
Ленивицы иль неженки,
Медовую недельку.
Покрепче сулемы
Любовь дерет по коже:
Мы здесь, тут мы,
Подайте, сколько можете! [С. 127]

Особенно ярко явлены эти «скачки» разнонаправленных интенций в тех случаях, когда они сталкиваются внутри одной строфы. Сравните подчеркнутое аллюзиями литературно-книжное словоупотребление и, с другой стороны — просторечно-низовое:

С позиции эзоповой
Являсь за Пенелопой,
Покрепче рот захлопывай:
Что выдадут, то лопай. [С. 127]

Очень важно, что в итоге (хотя это не так очевидно) завершает текст именно жизнеутверждающий пафос, пусть и с резко ощутимой оговоркой. Последняя восьмистрочная строфа завершается многоточием, затем отдельной строфой оформлен стих рефрена. При этом заключительный голос победителей не просто лишен какого-либо сарказма, но и звучит без всякой «скользящей интонации» (по формуле И. Роднянской о «Столбах» Заболоцкого):

И всё же — обезножившись,
Слепы, немые, хромы —
Мы счастливы в убожестве,
Мы победили, мы...
Подайте, сколько можете! [С. 128]

Итак, первая важная особенность стихотворения «Мы победили» — пусть и не явное, но *органичное для Оболдуева жизнеутверждающее начало*. Показательно, что немногие писавшие о нем единодушны в одном — творчество поэта отличается нераздельность, почти оксюморонное сочетание крайнего пессимизма и жизнелюбия (напомним, что заметка Е. Евтушенко об Оболдуеве в антологии «Десять веков русской поэзии» называлась «Веселый пессимист»). Уместно здесь вспомнить некоторые из его программных стихотворений, сравните хотя бы начало стихотворения «Не

зря»: «Ништо, мой друг, ништо: мы выпрем, / Протянем очередь звена. / Не зря мы закалёны вихрем, / Которому не грош цена». Или вспомним заключительные строчки из «MEMENTO MORI» – самого, казалось бы, безрадостного стихотворения Оболдуева (написано в том же 1947 году):

Слабостям, чорт подери,
Место не в очерке!
Жалостный тон убери,
Брось разговорчики!

Чтоб у злодеев (тьфу, тьфу!)
Слезы не падали
В каждую эту строфу
Из-за падали [С. 132].

В этом смысле, по-видимому, слишком категоричен М. Гаспаров, заметивший: «Очень бы хотелось “реанимировать” одного поэта исключительной силы, мрачности и оригинальности: это Георгий Оболдуев...» [5] – впрочем, не забудем, что в 1990 году, когда это было сказано, в нашей стране не было опубликовано ни одного сборника поэта.

Вторая особенность, на наш взгляд, также касается сущности его поэзии в целом. А именно: *стихотворение «Мы победили» оказывается не только социальным, но и философским по своей направленности*. Показательно, что в статье «На натянутом канате (о поэзии Георгия Оболдуева)» И. Роднянская подчеркивала, что «“гражданский” нерв оболдуевской лирики вживлен в философскую медитацию» [6]. В частности, как показал анализ, подобная «обоюдоострость» (оболдуевское словцо) свойственна всем его стихотворениям о войне. Здесь необходимо небольшое отступление.

Оболдуев участвовал и в Гражданской войне (на стороне красных), и в Великой Отечественной: «с мая 1943 года по август 1944 года он служил разведчиком в составе разведывательного противотанкового дивизиона, а демобилизовался, как и многие, после окончания войны» [7]. Несмотря на то, что поэт был участником двух войн, военная тематика представлена в его поэзии всего несколькими текстами.

В 1947 году Оболдуев написал 5 «военных» стихотворений: «Солдат», «Похоронка», «Вандыш», «Медальон» и «Мы победили». Кроме того, мотив войны звучит еще в нескольких текстах, осваивающих в целом другую – не военную тематику: в стихотворениях «Ай, люли», «Вариации» и поэме «Я видел».

Однако только в тексте одного стихотворения («Похоронка») мы находим конкретное наименование врага и – соответственно – обозначение именно Великой Отечественной войны: «Поминай высоту двести тридцать один ноль один, / Где, сражаясь с фашистами, пал неизвестный близ рощи». Очевидно, что все названные тексты осмысливают опыт

Великой Отечественной войны, поскольку написаны поэтом-фронтовиком после ее окончания. В то же время показательно, что «военные» тексты Оболдуева не содержат примет конкретной войны. Авторская установка военных стихов может быть обозначена как отказ от упоминания примет конкретной войны. Читатель не найдет здесь ни названий городов (вообще географических названий), ни сколько-нибудь узнаваемых временных «привязок»: в военной лирике Оболдуева господствует «нулевой хронотоп». Для сравнения достаточно вспомнить хотя бы наиболее знаковые стихотворения о Великой Отечественной войне, отличающиеся именно хронотопической определенностью: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» К. Симонова, «Вспоминаются ныне иначе / И Думиничи, и Сухиничи / И лесная тропа на Людиново — / Обожженное, нелюдимое...» С. Гудзенко, «А на груди его сияла / Медаль за город Будапешт» М. Исаковского и т.п.

Ясно, что указанные особенности «военных» стихов Оболдуева не случайны. А именно: поэт пишет не военную летопись — он создает философскую лирику на материале прошедшей войны. Собственно, его тексты и есть осмысление феномена войны и человека воюющего. Как подлинно философская, его поэзия далека и от обличения ужасов войны, и от шаблонного воспевания ее героики. Авторскую позицию точнее определить как взгляд философа, волей судьбы ставшего солдатом большой войны («брат солдат» — так обычно и именует поэт персонажа своих стихотворений). Взгляд солдата-философа открывает, прежде всего, трагизм существования человека на войне — в первую очередь рядового войны.

Тем более показательно стихотворение Оболдуева «Мы победили», имеющее подзаголовок «*Песенка английского солдата*». В этом смысле, разумеется, подзаголовок является попыткой сбить с толку советскую цензуру. Впрочем, сама эта попытка скорее выглядит откровенно неуклюжей или же издевательски вызывающей — чего только стоит включение в монолог «английского солдата» намеренно «рязанской и урюпинской» лексики и орфоэпии: «И валом велят деушки / Хлеб-соль на полотенца, / Вынают из сумы / Того-сего во множестве; Мы здесь, тут мы» и т.п.

Однако, как представляется, *Песенка английского солдата* имеет и другую смысловую нагрузку: подзаголовок «уводит» читателя от обозначения именно *этой* войны, *этого* солдата, помещает его опять-таки в «общевоенный» контекст, как бы подчеркивая — «такова участь всех победителей».

В заключение несколько замечаний об особенностях поэтики. Стихотворение написано «коротким» размером 3Я (что отвечает жанровой установке стилизованной *песенки*) и включает 12 восьмистишных строф плюс одиночная заключительная строфа-строка — всего 97 строк. «Короткий размер» естественно провоцирует обилие пиррихий (встречаются и сверхсхемные ударения), короткая строка объясняет и многочисленные

инверсии. Примечательной является прихотливая «игра» чередованием клаузул. Автор использует разнообразные окончания стиха — мужские, женские и дактилические. При этом рефрен текста (который повторяется в конце каждой строфы) поддерживается своеобразным «рефреном» клаузул: дактилические клаузулы следуют в 1, 3, 6 и 8 стихах (в четырех из восьми): *Подайте, сколько можете...*

Литература

1. *Оболдуев Г.Н.* Стихотворения. Поэма. М., 2005. Далее указ. только стр.
2. *Оболдуев Г.Н.* Устойчивое неравновесие. М., 1991.
3. *Бердинских В.А.* История советской поэзии. М., 2014. С. 242.
4. *Баркова А.А.* ...Вечно не та... М., 2002. С. 95.
5. «Я не имел намерения переводить Ариосто... Я хотел его просто прочитать». Интервью с Михаилом Леоновичем Гаспаровым // *Alma mater: Студенческая газета.* Тарту, 1990. № 2. Режим ввода: ruthenia.ru/document/536014.html
6. *Роднянская И.* На натянутом канате (о поэзии Георгия Оболдуева) // Журнальный зал: Арион, 2006. № 4. Режим ввода: magazines.russ.ru/Aрион/2006/4/ro24.html
7. *Яновский Н.* Забытый поэт. Памяти Г.Н. Оболдуева // Георгий Оболдуев. Стихотворения 20-х годов. М., 2009. С. 213.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского